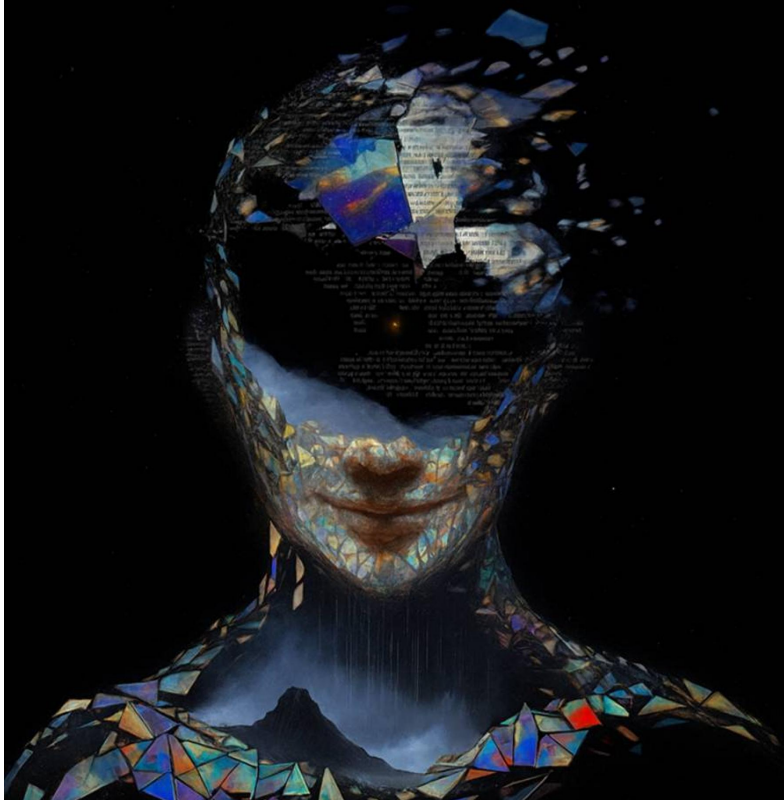

Философские беседы

Роман Чайкин

Роман Чайкин

Философские беседы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72925487

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта книга собрана из коротких текстов – размышлений, наблюдений, афоризмов и фрагментов, в которых автор иногда ищет, иногда утверждает, иногда спорит или признаётся.

Здесь нет единой формы: рядом стоят анализ и ирония, исповедь и стимулирование мысли.

Темы – сознание, одиночество, ошибки, внимание, внутренние движения и человеческие ситуации, которые трудно назвать напрямую.

Это не попытка убедить, но и не попытка спрятаться. Скорее – способ говорить о том, что обычно остаётся в тени, и дать читателю возможность продолжить этот разговор по-своему.

Содержание

Предисловие	4
Пролог. Горизонт.	6
1. К волюнтаризму.	11
2. Общий фаллибилизм.	14
3. Неприкосновенная непрерывность.	15
4. Обезличенное, незаинтересованное созерцание.	16
5. Фантазия.	17
6.	19
7.	20
8. Восприятие произвольно.	21
9. Созерцание искусства.	23
10. О метафизике.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роман Чайкин

Философские беседы

Предисловие

Книжка, оказавшаяся перед глазами читателя, родилась из множества разрозненных мыслей, афоризмов и наблюдений, казалось бы, несвязанных между собой. Они появлялись спонтанно, в том порядке, в каком подсказывала муза, и лишь позже, путём перестановки отрывков из этого пестрого материала, сложилась некоторая композиция. В начале я решил поставить наиболее общие, онтологические вопросы, в середине общественно-социальные воззрения, в конце — сосредоточил личное.

Могут бросаться в глаза резкие различия в стиле и настроении. Здесь соседствуют серьёзное и ироничное, лёгкое и сосредоточенное, публицистически-лекционное и афористическое. Посему это сочинение можно считать лишь относительно цельным и законченным, но в то же время и самобытным.

Первостепенная цель произведения заключается в фиксации возникающих и часто повторяющихся идей, образов и оценок. Но этим она, однако, не ограничивается, иначе было

бы достаточно дневника, не предназначенного для публикации. Поэтому, во-вторых, я попытался сделать нечто удобное для любого открывшего данное сочинение, чтобы разделить свои восторги познания.

Пролог. Горизонт.

Что-то я залежался. Хватит уже спать, пора вставать.

Перед закрытыми глазами проносятся смутные обрывки воспоминаний. Челнок на зелёной реке, несущий меня мимо такого же зелёного мира с разноцветными узорами, по форме напоминающими папоротники, плакучие ивы и пальмы. Полуразрушенная бетонная стена, с периодически сменяющимися друг друга блоками.

Где я?

Веки распахнулись, и перед глазами расстелился голубой, однотонный ковёр неба. Где светило?

Я сомкнул лежащую на земле ладонь – что-то сыпучее заполнило горсть. Я повернул голову набок – песок. Ровным слоем он простирается до самого горизонта, где по прямой линии соприкасается с небом.

Я потянулся и решил ещё какое-то время полежать на песке, наслаждаясь ещё не отступившей дремой. Торопиться некуда. Пока я лежал, можно было ещё поиграться с песком. Я немного его порыл, оставляя ложбинки и тут же засыпая её, забирая песок из возникшей рядом горки. Затем набирал в руку песка, столько, сколько поместится, и тут же высыпал сквозь небольшую прорезь между ребром ладони и мизинцем.

Ладно, достаточно. Ещё раз потянулся и перешёл в сидячее положение. Всё те же бескрайние просторы, состоящие лишь из двух цветов: голубого и жёлтого. Я повернул голову в одну сторону, затем посмотрел за спину, повернул в другую – одно и то же. Тщетно я искал того, за что мог бы зацепиться глаз.

Я встал, кривыми путями немного прошёлся, распиная песок под ногами, наблюдая за его всполохами и остающимися следами. Прекратил и задумался.

Справа, слева, спереди, сверху – понятно. А что снизу?

Я принялся энергичными движениями выкапывать яму в песке. Один гребок, второй, третий... Всё то же, что и снаружи. Четвёртый, пятый... Я не сдавался и, изрядно вспотев, всё же наткнулся на что-то твёрдое. Меня охватило любопытство, я принялся вдвойне более энергично увеличивать диаметр образовавшейся ямки, раскрывая ровную площадь твёрдой породы. Я трудился неустанно, горка песка рядом с ямой всё больше увеличивалась, так же как и непробиваемая, ровная и немного шершавая поверхность песчаника. Ясно.

Я немного посидел в яме, переводя дух, опершись спиной на стенку углубления. Наконец, вылез, и исследование продолжилось.

В какую сторону пойти? Я покрутился на месте, смотря на линию горизонта, и под любым углом было всё равно то же самое, так что в какой-то случайный момент я остановился

и решил: пойду туда.

И целеустремлённо, быстрым шагом я стал приближаться к горизонту так, будто где-то там я найду край земли или упрусь в голубую стену. По дороге я оценивал расстояние до голубого купола в различных направлениях, чтобы понимать, к какому его участку я приближаюсь, а от какого отдаляюсь. Так продолжалось час, и не менялось ровно ничего, лишь горка в какой-то момент пропала из поля зрения.

Меня охватило нетерпение, и шаг сменился на бег. Сначала трусцой, затем быстрее, быстрее, и в конце концов ускорением, так, будто голубая стена пыталась от меня убежать. Но чем быстрее бежал я, тем быстрее ускользала от меня она. Пыхтя, я остановился, опёрся руками о колени, затем, освещаемый безоблачным голубым небом, прилёг на тёплый песок и уснул.

Сколько времени? Глаза открылись, и было неясно, что же это: утро, день, вечер, ночь? Здесь нет времени суток, только светлое небо, нависающее над бескрайними песчаными просторами.

Пора вставать.

Откуда я шёл? В какую сторону? Без видимых ориентиров невозможно было сказать. Поэтому я пошёл в случайно выбранном направлении.

Должен же быть у этого мира конец. Или начало. Хоть какой-то тупик. Немыслимо, чтобы он никогда не заканчивался.

Время шло. В перерывах между странствиями я поспал один раз, поспал второй, поспал третий, даже четвёртый. Но купол неба так и не приближался, а под ногами был всё тот же песок. На пятый день я проснулся и решил: больше никуда не пойду, – и, прикрыв глаза, лёг на спину.

Долго так продолжаться не могло. Лёжа, я то и дело елозил руками и ногами по песку, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, барабанил пальцами по животу. Я встал, куда-то побрёл, затем опять лёг. А потом так ещё раз, и ещё... Наконец, я твёрдо решил: недвижимый, я лягу и больше никогда не встану.

Так началась моя борьба. Пришлось преодолевать не только порывы встать и пойти, но и в том числе – побежать, что есть мочи, или вообще сделать хоть что-то, даже если оно физически изнурительное. То и дело подступали конвульсии, и приходилось прикладывать множество усилий, чтобы остановить беспокойные члены.

Я научился ждать и уже разучился терпеть. Лежу ли я, иду ли я – не всё ли равно? Я уже без труда мог бы пролежать хоть вечность, но всё же я не настолько отчаялся найти его – тупик мира.

И началось долгое странствие. Сколько времени прошло? Годы, века, тысячелетия? Я давно перестал хотя бы примерно понимать, сколько же раз я спал. Но я шёл, весь захваченный одной мыслью: конечно или бесконечно?

И однажды линия горизонта оказалась поколебленной: ка-

кой-то выступ вырастал на песчаной глади. Я побежал туда, как сумасшедший, и казалось, что силы мои неисчерпаемы, так я бежал, совершенно не зная устали. Но чем ближе был выступ, чем лучше я мог в него взглядеться, тем сильнее во мне возрастал необъяснимый страх. И лишь когда я его достиг, я всё понял. Я упал на колени, безудержное рыдание возобладало мной. Это была та самая яма, та самая горка песка, которые я вырыл в начале путешествия. Вечность и бесконечность слились. Одной яркой вспышкой озарился весь мой путь: от ямы до ямы. Я лёг в неё, вновь опёрся на стенку углубления, как когда-то давным-давно, и позволил безбрежному потоку мыслей струиться сквозь меня.

Ни цели, ни пути больше не существует. Что вообще существует? Да какая разница? Я вылез из ямы и неспешными шагами побрёл ко мнимой границе между небом и землёй.

1. К волюнтаризму.

Задача. Возьмём выражения: «любить себя», «принимать себя», «быть честным с собой», «анализировать себя», «быть в гармонии с собой» и тому подобные грамматические конструкции. Вопрос: на чём они основаны? Как описать онтологический статус этих двух «Я»: вопрошающего и становящегося предметом вопроса?

Сразу хочется ответить: первое есть субъект, второе – объект. Удовлетворительно, но, попав в дискурс субъект-объектной дихотомии, едва ли удастся выбраться отсюда с однозначным пониманием дела. Сколь бы интуитивно и удобно ни было такое разделение, в философии издавна возникали многочисленные проблемы и разногласия по его вопросу, поэтому прибегнем к другому решению.

Одно из таковых, обладающее согласующимися с базовой интуицией следствиями: опрашиваемое предстает как несвободная воля (характер, привычки, инерции, аффекты, влечения), опрашивающее – свободная (выбирающая, чему сказать “да”, а чему – “нет”).

Что же есть тогда такое это «сверх-Я» (вне психоаналитического дискурса) в своей целокупности? – Скажем, *синтез* свободы и необходимости – *воля*. Ни в коем случае нельзя понимать её как инструмент или функция – она нечто бо-

лее первичное, не редуцируемое к цели, пользе или рациональному расчёту. Она одновременно и свободна, и несвободна; также и ничто из этого. Она двигатель и движимое, и цель и средство, единое и множественное. Она стремится к самой себе; то, что она отторгает, питает её заново. Поэтому (возвращаясь к началу) когда мы говорим о некоей направленности к себе, мы – говорим о «воле к себе», «воле к воле» (Именно так выражается Хайдеггер, комментируя философию Ницше).

Итак, мы объяснили поставленную задачу через волю. А можно ли объяснить волю через что-нибудь ещё более фундаментальное? Попытаться – да – но на деле, кажется, что воля требует быть принятой как основание (ср. волю у Шопенгауэра, Фихте, познающий себя абсолютный дух Гегеля, волю к власти у Ницше, комментарий Хайдеггера к ницшевой воле к власти, волю к смыслу Франкла...). Теперь перед нами встаёт позиция *волюнтаризма*. Как и прочие, с позволения сказать, -измы, это лишь одна из возможных доступных перспектив. Как было показано, на метауровень выйти нелегко, но что с прочими “равномощными” позициями?

Возьмём прямого и уже долгое время доминирующего конкурента – реализм, или некий идеализм, или же рационализм, или, вообще говоря, культ Разума с сопутствующим ему “прогрессом”, венец которого мы наблюдаем в т. н. Новое время. История XX века, с её двумя Мировыми войнами, закономерно сосуществующими с извращениями того само-

го Разума (как известно, за декорациями из лозунгов а la “Свобода, равенство, братство” всегда стоит гильотина), явно говорит, как минимум о заблуждении, максимум – самообмане. «Разум» – антитеза войнам и страданиям; в таком случае, как показывает практика, ничего, кроме обещаний, он давать не может.

Да, волюнтаризм – уже устаревшая, запятнанная метафизическими спекуляциями теория. У Шопенгауэра она приправлена жизнеотрицанием, а у Ницше – синтезирована с «властью» (точнее, «могуществом»). И всё же, как представляется, именно она – пусть неявно – лежит в основании многих практик и представлений современности. Помимо ответа на поставленный в начале вопрос, она фундирует желание, агентность, решение, инициативу, ответственность, (не)виновность и пр., находя своё место и в философии, и в психологии, и в науке, и в прочих как обширных, так и узких областях.

2. Общий фаллибилизм.

По аналогии с фаллибилизмом в науке: сотворенное в данный момент научное знание принципиально не является окончательным, но лишь промежуточная стадия на пути его неограниченного усовершенствования.

Неутешительная перспектива для учёного, ведомого чувством приобщённости к открытию вечных истин – оказывается, его знание может быть недостаточно хорошо, к тому же и не может быть идеальным в принципе.

Более того, приходится признавать наличие инстанции, которая вправе судить, хорошо ли это знание или нет (ср. прагматизм, также акторно-сетевая теория).

Фаллибилизм – прекрасный отрезвитель. Индуцируем этот принцип на весь универсум, и любые формы идеализма окажутся рассыпанными.

Каково, думаешь, мне писать этот текст, зная, что всё это – при взгляде из будущего – заблуждение?

3. Неприкосновенная непрерывность.

Насколько точно глаз может различить оттенки и шероховатости, слух может различить громкости и тональности, кожа – твёрдость и температуру и т. д., – отражает границы познания. Микроскопы, спектрографы и тому подобные приборы раздвигают границы, но поскольку для их работы всё ещё необходимы *дискретные* представления, они за эти границы вырваться не могут. Помогают ли в этом математика и априорное мышление? Оттуда ведь и пришло представление о непрерывности, о бесконечно малых величинах. Но сказать «есть бесконечно малая величина» – всё равно что сказать – «за границами мира есть какая-нибудь вещь». Мы никак не можем их освоить; сколько бы лет мы ни употребили на пририсовывание нулей после запятой, бесконечно малую величину мы построить не сможем. Но значит ли это, что её вовсе не существует, что мир сам по себе дискретен? Нет, он непрерывен, но не ищи этой непрерывности вовне: всё, что ты различил, *уже разорвано*.

4. Обезличенное, незаинтересованное созерцание.

Возможно ли? Допустим, мы разглядываем в музее скульптуру времён Возрождения, и она доставляет нам эстетическое удовольствие. Часто мы не понимаем, откуда оно берётся, и обходимся наименованием впечатления как «чувство прекрасного», но в какой-то момент оказывается, что на задворках сознания мы откладываем образ этой позы и в определённые моменты начинаем её пародировать. Или редкие моменты, когда мы получаем осязаемое удовольствие от созерцания природных пейзажей: леса или гор. Происходит своего рода уподобление природе – мы чему-то у неё учимся или познаем, каково было бы жить в такой местности (как бы мы питались, испытывали бы жар или холод и т. п.). И так же с человеком: кажется, что мы глядим на него незаинтересованным, «любящим» взглядом, а потом не можем себя остановить, чтобы не оказать ему какую-нибудь щедрую услугу.

5. Фантазия.

5.1. Мы начали сеанс медитации со следующей установкой: «Отключить фантазию». Удастся ли это сделать и чего мы добьёмся, если достигнем поставленной цели?

5.2. Может быть, первые минуты и будут соответствовать ожиданиям; быть может, даже на какое-то время получится испытать блаженство. Но пока сидим дальше.

5.3. В какой-то момент начинаешь задаваться вопросом: «А как отличить фантазию от реальности?» Допустим, мы слышим звук проезжающей машины. Безусловно, звук сам по себе не являемся плодом фантазии, но и услышать звук сам по себе мы не можем, поскольку так или иначе производим бессознательную обработку звука, устанавливаем ассоциативную связь с машиной, понимаем, что где-то на улице проезжает машина, хотя мы её не видим, но, очевидно, домысливаем. И даже если мы приложим усилия к тому, чтобы не представлять никакой машины, но слышать звук лишь как звук, то мы всё же не сможем избежать хотя бы интерпретации звука как чего-то знакомого и безопасного. Мы не побежим на улицу смотреть, что же там такое шумит, равно как не начнём трястись от страха, думая, что где-то за окном разгуливает чудовище.

5.4. Итак, мы не можем воспринимать звук машины за ок-

ном без домысливания, т.е., в терминах этой заметки, без фантазии. Но что нам вообще дано за пределами фантазии? Куда ни посмотри, всё отмечено некими ярлычками, когда-то навешенными сознанием или подсознанием. Может быть, всё – продукт фантазии?

5.5. Разумеется, это слишком поспешная индукция. Стоя на морозе, будет трудно нафантазировать себе, что испытываешь жару.

5.6. В таком случае где же грань между фантазией и реальностью? Ответ: интерактивный конструктивизм (см. Хомяков «Пролегомены ко всякому знанию», 2026).

6.

В созерцании есть некоторая доля несправедливости. Мы бы и рады одарить своим вниманием каждую песчинку, но особое предпочтение отдаём той, что попала в глаз.

7.

Об одном факте выскажись, о другом умолчи (быть может, не обратив внимания на него или забыв), и вот ты уже – *интерпретируешь*.

8. Восприятие произвольно.

8.1. Живые (и даже не очень живые) существа влекутся к тому, что их органы восприятия принимают за приятное, полезное, желанное, благое и избегают неприятного, опасного, отвратительного, вредного. Их поведение детерминировано вложенными в них природными паттернами. Человек же в этом ракурсе занимает особое место, поскольку способен сам настраивать своё видение мира (точнее, осознавать эту настройку).

8.2. И вот некто направляет свой мысленный взор на высказывание: «Я могу изменить способ смотреть на мир. Давай-ка я раскрашу мир в яркие цвета и буду получать от жизни только позитив!»

8.3. Что ж, попробуй. Только сколько ты ещё проживёшь, если, допустим, тухлое мясо будешь принимать за сладкий рулет? Это, конечно, совсем крайний пример. Чаше встречается более мягкий вариант.

8.4. «Цени, что имеешь». Да, конечно, окраска вещи или человека куда более тусклая, когда они на расстоянии вытянутой руки, нежели после того как они утеряны. Но доведём эту установку до предела. Окажется, что мы имеем невероятно много: этот стул, на котором мы сидим, это дерево в окне, этот кусок чёрствого хлеба, этот большой палец на правой

руке и т.д. К чему ещё стремиться, когда имеешь так много? Достаточно просто застыть и получать удовольствие ото всего, на что можно направить внимание. Нет, природа здесь проявляет предусмотрительность: без движения нет жизни, без чувства нехватки нет движения.

8.5. Значит ли это, что нужно воспринимать мир таким, какой он есть? Как было выяснено выше, такого мира *вообще нет*.

8.6. Но как же тогда смотреть на мир? Не самый акцентируемый вопрос философии, совсем не такой как вопрос о том, как правильно поступать. Только вот это по сути один и тот же вопрос («Этика и эстетика суть одно и то же», «Логико-философский трактат», 6.421.).

8.7. Отсюда следует, что настройка восприятия – не просто шизоидная забава; это то же, что и регуляция поведения, только скрытая от глаз (что вовсе не означает, что последствия таковой скрыты тоже).

9. Созерцание искусства.

Когда художник творит своё произведение (остановимся на тех произведениях, когда персонажи реальны, будь то сам художник или другие личности, заслуживающие описания), материалом выступают события, которые в своей фактичности зрителям/слушателям никогда не дано пережить. Однако, в чём особенность искусства, эти факты обрамляются в художественную форму, с определенными красками, тональностями, динамикой и тому подобными средствами. И если наблюдатель подходит к произведению с открытым сердцем, то даже в совершенно недоступных для него событиях он сможет найти аналогию в своей жизни. Так, если актёр театра не знает, как сыграть тот или иной фрагмент пьесы, хороший постановщик ему подскажет: "Представь, что с тобой случилось то-то". Также: такие без-нарративные творения как инструментальная музыка могут резонировать как с душой высшего чиновника, так и – обывателя (см., как Джойс в «Улиссе» увязывает такие бытовые сцены как справление нужды с историей Ирландии и поэмами Гомера). Единственный пробный камень для восприятия великого художника – великие личностные качества – та сумма событий и поступков, что сопровождали человека в течение его жизни.

10. О метафизике.

10.1. Почему что-то существует? Есть ли у мира конец? А начало? Каков мир на самом деле, вне зависимости от познающего? Эти и многие другие схожие вопросы возникают с самого детства.

10.2. Ответы давались и даются самые разнообразные. Для народа есть простой и исчерпывающий ответ – мир создал Бог, со всеми вытекающими. Те, кто привык к сомнению, кто не удовлетворяется подобными ответами, могут спекулировать об идеях, пространстве, времени, причинности, воле, субъект-объектной дихотомии, трансцендентном и имманентном и проч. В результате конструируются сложные, цельные и квазикогерентные системы мироустройства, которые, несомненно, достигали своих целей – вышеставленные вопросы находили свои исчерпывающие ответы.

10.3. Кто-то носил такие ответы до конца своей жизни, кто-то же – ставил их под сомнение, дополнял или опровергал, предлагая свои конструкции... которые, в свою очередь, ставились под сомнение последующими поколениями. И так, конечно, не вечно, но как минимум до XX века.

10.4. В это время широкий размах обретают философия позитивизма и аналитическая философия. Последняя утверждала, что проведение анализа языка приведёт к тому, что

метафизические системы посыпятся сами собой (не говоря, что останется). Позитивисты и вовсе отказывались вести какие бы то ни было дискуссии о метафизике – пользы они не приносят, а внимания требуют; философии и наукам следовало бы сосредоточиться на эмпирических данных и концептуальной согласованности между ними. Хоть ранний Витгенштейн и не принадлежал к кружку позитивистов, но последние позаимствовали у него его знаменитый постулат: «О чём невозможно говорить, следует обойти молчанием». Анти-метафизическая направленность стала одной из господствующих течений в философии XX века и за пределами позитивизма, например – во французском постструктурализме и экзистенциальной философии. Особенно показателен здесь спор между Деррида и Хайдеггером, которые пытались выяснить, кто же более метафизичен – Ницше или сам Хайдеггер, кто из них, скажем так, заслуживает пинка под зад. А как строго к себе мог относиться философ в процессе написания текста, как усиленно старался не замараться в метафизике! Осторожность доходила едва ли не до того, что уже простое использование слов означало для него обращение к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.